

не страшно ли ей, она просто ответила: «Я деревенская жительница!» (Лао Шэ); 我是北方人, 我还是想回哈尔滨。(梁晓声) – Я – северянин, и все равно хочу вернуться в Харбин (Лян Сяошэн).

В расшифровке авторского «я» и его семантизации могут участвовать другие сегменты жизнедеятельности человека, которые рельефно представлены в следующих иллюстрациях: Я виртуоз из виртуозов В искусстве лжи (М. Цветаева); Я друг свобод. Создатель педагогики (М. Волошин); 我是瞎子。面前的大叔、大哥、大婶子、大嫂子们, 可能行个方便, 找间空屋留我住一宿? ” (莫言) – Я – слепой. Не могли бы вы, дяди, братья, тети и невестки, найти свободный дом и позволить мне переночевать? (Мо Янь).

Таким образом, личное местоимение «я», рассматриваемое в статье не с точки зрения морфологии («формы»), а с точки зрения его семантики и выполняемой функции в русском и китайском языках, ярко продемонстрировало специфику воплощения в местоименных формах фрагмента национальной языковой картины, а также особенности репрезентации человека сквозь призму метафоры. Одним из самых распространенных способов семантизации местоимения является персонификация, посредством которой указывается на сферу деятельности человека, его родственные отношения, возраст, национальную и религиозную принадлежность, материальное состояние, умственные способности и другие аспекты жизнедеятельности человека.

Библиографический список

1. Матвейкина, Ю. И. Местоимения в языке современной прозы: функциональный аспект : на материале произведений В. О. Пелевина и С. Д. Довлатова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. И. Матвейкина; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2011. – 22 с.

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ СКАЗКИ

Сяо Кайсянь (Минск, Беларусь)

Антропоцентрическая парадигма в исследовании современных лингвистических явлений, в частности, прецедентных феноменов, определяет место человека как носителя определенной информации в триаде человек – язык – культура, что предполагает обращение к тексту, обладающему национально-культурной спецификой. Вопросы взаимодействия различных культур с точки зрения установления национально-специфического как основы ценностной ориентации людей, привлекают все большее количество исследователей. Сопоставительное изучение культурных реалий, находящихся отражение в языке, особенно важно для установления отличительных особенностей языковой картины мира различных народов с целью расширения межнационального сотрудничества. И в этом плане сказка, имеющая длительную историю как в русском, так и в китайском языкознании, – это, отмечает Ю. М. Лотман, «конденсатор культурной памяти» [1]. Простые по форме и содержанию, на первый взгляд, сказки на самом деле являются поликодовыми образованиями, представляющими национальное видение мира народа, историю его развития и современное состояние.

Впервые термин *прецедентный* текст был введен Ю. Н. Карауловым, к основным характеристикам которого ученый относит хрестоматийность, общеизвестность, познавательную и эстетическую ценность, воспроизводимость, в результате чего тексты становятся «фактом культуры» [2, с. 217]. Национально-культурный компонент коммуникации формируется в про-

цессе социализации личности, входит в культурную компетенцию коммуникантов и определяет их национальные особенности. По словам В. В. Красных, «национально-культурный компонент обуславливает национальную специфику ментально-лингвального комплекса представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества, т. е. определяет особенности национального (языкового) сознания, в особенности того, что хранится в сознании человека говорящего и проявляется в коммуникации» [3, с. 67]. Одними из проявлений таких особенностей и являются прецедентные феномены, которые выражают ценностные ориентации лингвокультурного сообщества, входят в его языковой фонд.

Прецедентные феномены – это все то общее, что имеет, с одной стороны, национально-культурную специфику, с другой – объединяет носителей определенного языка в нацию, поэтому они могут быть выражены как вербальными средствами (тексты в самом широком смысле этого слова), так и невербальными (произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные творения). К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы, рекламы, политические, публицистические тексты, мифы, устно-поэтические произведения, притчи, легенды, сказки и др. Для художественной литературы наиболее важной представляется направленность текстов на экспрессивность образов и максимальная доступность изложения. Именно этот фактор обуславливает поиск соответствующих языковых средств, позволяющих оказывать наиболее яркое быстрое, лаконичное и эмоциональное воздействие на читателя. Именно этим объясняется тот факт, что для фольклорных текстов характерна высокая степень интертекстуальности, одним из вариантов проявления которой является широкое использование прецедентных феноменов, известных любому среднему представителю определенного лингвокультурного сообщества. Прецедентный текст – продукт речемыслительной деятельности человека, сумма значений его компонентов, в совокупности выражающих единый смысл.

Китайский язык в силу своей специфики не располагает достаточным грамматическим арсеналом для достижения образности речи. Поэтому сжатость китайского высказывания предполагает, что и адресат, и адресант владеют дополнительной информацией, имеющей отношение к прецедентным феноменам, которые в разговорной речи современных китайцев используются довольно часто. Объяснением этому может служить традиционное преклонение китайцев перед историческим и культурным наследием своей цивилизации.

Теория прецедентности получила широкое развитие в китайском языкознании, хотя изучение прецедентных феноменов началось относительно недавно. Чжао Айгуо (赵爱国) впервые в китайском языкознании определяет термин прецедентный феномен [4]. Некоторые китайские ученые устанавливают различия между прецедентными феноменами и интертекстуальностью, или имитацией. Например, Ван Чжэнь (王臻) считает, что разница между этими понятиями наблюдается и в их происхождении, и в форме выражения [5]. Рассматривая источники и формы выражения прецедентных феноменов и интертекстуальности, Ли Сяндун (李向东) приходит к выводу о гетерогенности данных явлений, с одной стороны, а с другой – о возможности их изоморфизма. По мнению учёного, существуют сходства между прецедентностью и интертекстуальностью, то есть существуют общие источники онтологии как в прецедентных феноменах, так и в интертекстах [6].

Прецедентные имена русских сказок имеют широкую известность и понятны не только русскому народу, но и всем народам и национальностям, которые говорят на русском языке и воспитываются на русском фольклоре. Прецедентные имена русских сказок – это емкие имена собственные, отражающие мудрость народа и его умение видеть в каждом человеке и явлении самую суть. «Множественное», неспецифицированное личное имя в русской сказке однокомпонентно, однако в большинстве текстов функционирует сказочное, специфицированное имя, которое существует вместе с идентификатором. Идентификатор, как правило, отделен от личного имени дефисом или может существовать как отдельная атрибутивная лексема (Несмеяна-царевна, Елена Прекрасная, Кощей Бессмертный).

Одной из особенностей русских народных сказок является то, что они представляют собой не отдельно взятые произведения, а составные части комплекса фольклорных произведений. В пределах данного комплекса произведений прецедентные имена выполняют роль интертекстуальных включений, которые переходят из одной сказки в другую и в итоге образуется единообразная лексическая область русских фольклорных сказок. По мнению Н. М. Герасимовой, русская народная сказка является видом специфической речевой деятельности, которая направлена на создание особой действительности. Важную роль при этом играет сказочник – «обладатель тройного статуса: героя сказки, носителя его законов и реального рассказчика» [7, с. 56]. С помощью специальных формул сказочник оформляет границы сказочного речевого действия и сказочного мира. Именно таким образом сказочник оказывается в особых отношениях с аудиторией.

Особенностью прецедентных имен в русских сказках является их обобщающий характер, проявляющийся в способности выявлять тип героя, не только обозначать, но и характеризовать именуемое, раскрывать то или иное его свойство. Прецедентное имя в сказках классифицируются по нескольким критериям: 1) реальные имена; 2) составные: имя + приложение; 3) вымышленные имена. Следует отметить, что довольно часто в русских сказках вслед за реальным именем следует приложение, в котором отражаются:

– внешние данные героев: Василиса Прекрасная, Елена Прекрасная, Марья-краса-длинная коса;

– социальное положение: Иван – крестьянский сын, Иван-королевич, Елена-царевна, Рослабий-богатырь, Марья-королевна, Фрол-пастух;

– свойства ума и характера: Василиса Премудрая, Елена Премудрая, Емеля-дурак, Емеля-лодырь, Егорушка – светлая головушка.

Сказочный мир – это мир фантастики и неправдоподобия, в котором случаются необыкновенные события, действуют фантастические персонажи, используются волшебные предметы, такие как волшебная палочка, шапка-невидимка и др. Соответственно и имена собственных сказочных героев должны быть необыкновенными. Такими являются вымышленные имена, которые могут указывать на внешние данные, причем это могут быть положительные герои: Царевна Несравненная Красота, Синеглазка, Крошечка-Хаврошечка; комические персонажи: Хромой да Кривой; выдуманные: Одноглазка, Двуглазка, Триглазка, Немал-человек. Исследователи подсчитали, что мужских имен собственных, встречающихся в сказках, более ста, а женских около тридцати. Наиболее распространенными являются Иван, Василий, Федор, Елена, Василиса, Настасья, Марья, Анна, а также неканонические: Горох, Добрыня, Лебедь. Эти имена собственные вскоре вышли из употребления, и нередко сам народ придумывал имена для персонажей. Например, героев сказки «Летучий корабль» назвали не привычными именами, а такими необычными, как Слухало, Скороход, Стреляло, Обьедало, Оживало, Холодило. Кроме того, в сказках действуют не только положительные герои, но и нечистая сила, такие как Баба Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, Леший, Водяной, Кикимора.

Авторские сказки, в отличие от народных, вводят множество имен собственных нетрадиционного характера. Для сказок частотна контекстуальная онимизация, когда имя нарицательное функционирует в тексте в качестве имен собственных, например: Ежик, Медвежонок, Доктор Дятел, Зайчонок, Осинка, Ясень, Сосна (пьеса-сказка С. Г. Козлова «Снежный цветок»). Распространенность такого приема детерминирована парадигматическими свойствами имен собственных: участвуя в композиционной и языковой организации художественного текста, они взаимодействуют между собой и со своими функциональными эквивалентами. В результате взаимодействия онимов и апеллятивов в художественном тексте происходит сближение их стилистической функции. Например, в сказках С. Я. Маршака отмечаем следующие «номинативные синонимические ряды с доминантным именем собственным, отраженным в перечне действующих лиц: Кошка – кошка, заморская, ангорская; тетя кошка; кошечка, по-

чтенная хозяйка; также фраза в устах героини: Мой прадед – Кот Ангорский!; Кот Василий – старый кот, кошкин дворник, Василий, Василий-кот, Васенька, Вася-дворник, Кот Василий хромоногий; Козел – козел, Козел Козлович; Петух – петух боевой, Петя-петушок, петух. Приведенные ряды включают как онимические, так и апеллятивные дублеты, функционирующие в художественном пространстве в качестве номинативов персонажа» [8, с. 50].

Лингвокультурный концепт в русских народных сказках представляет собой единство отшлифованного веками с древних времен фольклорного содержания и личных вариаций сказателя, в рамках которых осуществляется выбор характеристики персонажей, подбор имен собственных и презентативных. Все они выражают специфику фольклорной модели мира, в которой хорошее борется с плохим, близкое идеалам крестьянского сословия – с чужим и пугающим. Сходство фольклорных картин мира приводит к возникновению так называемых бродячих сюжетов народных сказок, которые «кочуют» от народа к народу, меняя имена персонажей и по-своему, на национальной почве их презентуя и становясь интертекстами. Авторские сказки, по-своему показывают сказочный мир и, отчасти подражая фольклорной картине мира, подсознательно вносят в нее современные, городские мотивы. Имена собственные и их презентативная функция заимствованы скорее из скоморошеской традиции и, как правило, выходят за рамки «кочующих» сюжетов.

Прецедентное имя в китайских сказках является неотъемлемым элементом формы художественного произведения, поэтому особый интерес представляет устное творчество народов Китая. Это связано с тем, что именно в фольклоре заключена генетическая память этноса, бессознательно проявляющаяся в используемых народом образах-архетипах. В китайском языке сказка переводится словом «гуши», буквальное значение которого ‘древнее дело, быль’. В словаре Цихай дается следующее определение «гуши»: «...устно бытующий, популярный и хорошо понятный жанр, в котором делается упор на изложение хода события, акцентируется динамизм и последовательность сюжета» [9, с. 22]. Для обозначения сказки как жанра в современной китайской фольклористике употребляется термин «миньцзянь гуши» («народные сказки»), где определение «миньцзянь» («народ-ные») конкретизирует значение слова «гуши».

Сказки выполняют культурно-этническую функцию, приобщают к историческому опыту народа, его культуре через сообщение об особенностях быта, языка, традициях, атрибутике. Так, китайские сказки, как правило, остро социальны. Обычно главным героем является мальчик или молодой мужчина. Это представитель бедного класса с тяжелой судьбой, в которой отражена общая судьба бедняков. При этом он обладает положительными чертами характера и может иметь редкий дар, например, удивительный ум или какой-то иной талант, а также владеть волшебным предметом, который помогает ему совершать добрые дела. Антагонистами главного героя в китайских сказках обычно выступают император и помещики, которые представлены злыми, жадными и очень глупыми. Подавляющее большинство китайских сказок завершается тем, что герой удаляется от мира. Такой финал объясняется влиянием даосизма и оценивается представителями китайской культуры как счастливый. Яркой и уникальной чертой китайских сказок является наличие в них национальной символики. В текстах этого жанра часто упоминаются имена собственные старинных китайских бытовых предметов, специфические растения или животные, которые также имеют особое культурное значение.

В китайских сказочных текстах доминируют мифологические персонажи, тесно связанные с эсхатологией и выполняющие определённые функции в отношениях между земным и потусторонним миром, что определяется спецификой китайской фольклорной картины мира: богиня Сиванму, Стрелок Хоу И, сбивший из лука девять солнц, угрожавших погубить все живое на Земле и др.

В китайской сказке личные имена всегда предопределяют содержание текста, поскольку личное имя собственное семантически, включает символы, имеющие национально специфичный смысл: в сказке «Паньгу отделяет небо от земли» символическое значение имени глав-

ного героя способствует пониманию сказочного текста: в древнем Китае многие люди жили в лесу, мир представлялся им плоским, как тарелка. Пань означает 'тарелка', Гу означает 'старый'. Мифоним 盘古 Паньгу называет героя, который отделил Небо от Земли. В русской сказке личное имя героя, как правило, не раскрывает содержания сказки.

В китайских сказках бытует оригинальный персонаж мудрого человека. Мудрецы разделяются на несколько типов: это может быть реальный человек – Конфуций, который незримо присутствует в сказке в виде портрета или статуэтки. Например, в сказке «Лян Шань-Бо и Чжу ИнТай, или «птички-неразлучницы», главная героиня пришла учиться к мастеру и по заведенному обычаю «сперва поклонилась изображению Конфуция, потом самому учителю, напоследок поздоровалась с учениками». Второй тип мудрого человека представляет собой добрый старец или старушка, помогающие беднякам своими советами. Третий тип – волшебник, который с помощью волшебства приходит на помощь нуждающимся и наказывает жадных. Самое главное, что в сказках имена главных героев часто предваряют их содержание. Негативная оценка персонажа в китайской сказке определяется контекстом, но не находит отражения в его имени собственном.

В китайских сказках представлены разные способы личного именования. Китайская антропонимическая система включает фамилию и имя, которые имеют свое собственное значение. Однако многие фольклорные китайские имена собственные, функционирующие в сказках, могут обладать свойством прецедентности, т. е. употребляться и вне фольклорных текстов, сохраняя при этом значимую лингвокультурную коннотацию. Китайские имена прецедентные используются в народных сказках для передачи реальных социально-бытовых фактов, создания ситуаций, приближенных к жизненным. Онимы в народных сказках отражают реальную языковую и социальную картину Китая. Мифонимы китайской сказки являются национальным вариантом общемирового сказочного творчества, развивавшегося на базе весьма сходных для большинства народов первобытных представлений и верований [3, с.10].

Прецедентное значение имен собственных в китайской сказке богато и разнообразно, но часто бывает непонятно или не до конца понятно человеку, даже знающему китайский язык, но не воспитанному на китайских традициях. Оно может быть связано с особенностями китайской «натурфилософской» религии (даосизм, конфуцианством и разновидностями буддизма), местными верованиями и легендами, общеизвестными произведениями литературной классики, преданиями старины, символическим значением иероглифов и пр.

Библиографический список

1. Лотман, Ю. М. Память культуры / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб. : Искусство, 2000. – С. 614–621.
2. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентного текста в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1986. – С. 105–123.
3. Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–65.
4. Чжао, Ай-гуо. Понятие прецедентности и его исследования / Ай-гуо Чжао // Иностраный язык и обучение иностранному языку. – 2006. – № 9. – С. 18–22.
5. Ван, Чжэнь. Различия между прецедентными феноменами и имитацией / Чжэнь Ван // Учебная газета в академии иностранных языков освободительной армии. – 2004. – № 6. – С. 6–11.
6. Ли, Сяндун. О прецедентных феноменах и интертексте / Сяндун Ли // Русский язык в Китае. – 2009. – № 1. – С. 28–35.
7. Герасимова, Н. М. Прагматика текста: фольклор, литература, культура / Н. М. Герасимова. – Российский ин-т истории искусств, Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб. : РИИИ : СПбГУ, 2012. – 364 с.

8. Бардакова, В. В. Говорящие имена в литературе / В. В. Бардакова // Вопросы ономастики. – 2009. – № 7. – С. 48–56.
9. Китайский энциклопедический словарь Cihai 辞海 для Lingvo x5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.studmed.ru/kitayskiy-enciklopedicheskiy-slovar-cihai-dlya-lingvo-x5_4439d7aee44.html. – Дата доступа: 08.02.2023.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СЛОВАРНОЙ РАБОТЫ ПО КОНФИГУРТИВНОЙ МЕТОДИКЕ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

Офелия Аллахверди гызы Тагиева (Баку, Азербайджан)

Русский язык считается одним из самых сложных языков для изучения иностранцами. Эта сложность обусловлена несколькими факторами.

Грамматика: русская грамматика довольно сложна и разнообразна. Она включает в себя склонения существительных, прилагательных и местоимений, а также различные времена и аспекты глаголов. Множество грамматических правил и исключений могут представлять трудность для изучающих язык.

Падежи: русский язык имеет шесть падежей, и правильное использование падежей может быть сложным для иностранцев.

Фонетика и произношение: русская фонетика может отличаться от звуков и звукосочетаний, присутствующих в других языках. Это может потребовать времени и усилий для правильного произношения слов и звуков.

Разница в алфавите: русский алфавит отличается от алфавитов многих других языков, и это также может представлять препятствие для новичков.

Богатый словарный запас: русский язык обладает богатым словарным запасом, и некоторые слова могут иметь несколько значений и использоваться в разных контекстах.

Культурные особенности: изучение языка также включает в себя понимание культурных контекстов и нюансов, что может быть сложно для иностранцев.

Несмотря на эти трудности, с правильным подходом и настойчивостью, русский язык может быть успешно освоен. Персонализированные методики обучения, систематическое изучение грамматики и регулярная практика общения на русском языке помогут преодолеть сложности и достичь навыков владения им.

Как известно, богатый словарный запас в русском языке может представлять одну из значительных трудностей для изучающих его иностранцев, играет фундаментальную роль в процессе обучения и коммуникации на этом языке. Знание большого словаря является важной составляющей для глубокого понимания и овладения языком. Постигание красоты, богатства и неисчерпаемых возможностей языка может стать мощным мотиватором для изучения и овладения им. Когда человек развивает глубокое понимание и appreciation к языку, это способствует более эффективному и углубленному обучению. Важно помнить, что изучение языка – это путь, который может быть иногда сложным, но также очень увлекательным и наградным. Постоянное увлечение и интерес к языку, его красоте и богатству помогут удовлетворительно преодолевать трудности и наслаждаться процессом обучения.

Для развития словарного запаса важно постоянно учить новые слова, фразы и идиомы. Это можно делать через чтение, прослушивание аудиоматериалов, общение с носителями языка и использование учебных ресурсов, таких как учебники и приложения для изучения языка. Поэтому ведущей на занятиях русского языка является работа со словом – регулярная практика и изучение слов в контексте помогут овладеть словарным запасом и сделают